

Богъ, чтобъ больше уже не пришлось писать вамъ о такихъ пропшествахъ.»

— Въ г. *Березномъ*, ночью противъ 31 августа, тоже былъ, говорятъ, большой пожаръ, истребившій 100 домовъ.

— Передаемъ читателямъ нашимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о расширеніи власти Попечителя Кіев. Учеб. Округа, которому предоставлено:

1) Разрѣшеніе профессорамъ и преподавателямъ университета принимать должности преподавателей или врачей по другимъ вѣдомствамъ, если это не будетъ препятствовать исправному исполненію обязанностей ихъ по университету.

2) Оставленіе на службѣ чиновниковъ и преподавателей учебныхъ заведеній, опредѣленіе конхъ зависить отъ начальства округа, по выслугѣ ими въ учебномъ вѣдомствѣ 25 лѣтъ.

3) Утвержденіе разсмотрѣнныхъ въ попечительскомъ совѣтѣ распредѣленій предметовъ преподаванія по классамъ учебныхъ заведеній, не измѣняя однако же опредѣленнаго для нихъ общаго объема курса.

4) Разрѣшеніе замѣны въ учебныхъ заведеніяхъ переводныхъ экзаменовъ репетиціями.

5) Дозволеніе директорамъ училищъ и инспекторамъ гимназій содержать пансіонеровъ изъ воспитанниковъ гимназій.

6) Разрѣшеніе соединеній ученія въ уѣздныхъ училищахъ въ предъобъденное время.

7) Разрѣшеніе найма помѣщеній для учебныхъ заведеній на счетъ опредѣленной для сего суммы, срокомъ до 12 лѣтъ.

8) Разрѣшеніе расходовъ изъ экономическихъ суммъ приходскихъ училищъ, получающихъ пособие отъ правительства, равно еврейскихъ училищъ, на основаніи правилъ, заключающихся въ счетномъ уставѣ министерства народ. просвѣщенія.

9) Увеличеніе жалованья учителямъ приходскихъ училищъ до 230 рублей, если дозволяетъ фондущъ, предназначенный на содержаніе училища. (*К. Т.*)

— Въ «Кіев. Тел.» напечатано: «17 августа, при планировкѣ Владимирской улицы, подлѣ самыхъ

оконовъ дома г. Климовича, найдены три владимірскихъ гривны вѣсомъ и формою совершенно-схожія съ тѣми, съ которыхъ были сняты снимки въ V тетради «Галлерей древностей», изд. Сементовскаго; два большихъ серебрянныхъ браслета, двѣ серебрянныхъ и двѣ мѣдныхъ серги, изъ которыхъ одна довольно-полновѣсна; порванная серебрянная цѣпка, два кольца и еще какая-то вещь, назначеніе которой трудно опредѣлить, но какъ намъ говорили, это древніе серебрянные священническіе нарукавники. Всѣ найденныя вещи переданы для разсмотрѣнія завѣдывающему минцъ-кабинетомъ университета св. Влад. г-ну Волошнскому».

— Къ многимъ достопримѣчательностямъ нашей столицы принадлежитъ въ настоящее время гигантскій книгопечатный станокъ въ типографіи г. Шумахера. Онъ приводится въ дѣйствіе паровою машиною въ 5 силъ. Механизмъ его придуманъ чрезвычайно-остроумно. Наборъ помѣщается на периферіи вертикальнаго цилиндра въ 6 футовъ въ діаметрѣ, который при каждомъ оборотѣ даетъ четыре оттиска на 4 вертикальныхъ меньшаго діаметра цилиндрахъ. При 15—20 поворотахъ большаго цилиндра въ минуту, получается въ часъ 4000 оттисковъ. Станокъ этотъ назначенъ для печатанія *Сына Отечества* и приводится въ дѣйствіе между 2 8 часами утра. (*С. П.*)

ОФИЦЕРСКАЯ ПИРУШКА У ИВОЛГИНА.

(Отрывокъ изъ перваго тома Украинскихъ Незабудокъ).

Тяше и тяше слышится, сквозь говоръ барышень Чечотокъ, почтовый колокольчикъ, и наконецъ со-

Когда появились въ *Осмоль* первыя главы этого романа, — досужіе люди въ некоторыхъ украинскихъ уѣздахъ начали отыскивать въ своихъ околоткахъ чудаковъ, съ которыхъ будто бы сняты здѣсь портреты. Авторъ считаетъ своимъ долгомъ объявить, что онъ имѣлъ намѣреніе изобразить въ *Незабудкахъ* не одинъ какой-либо уѣздъ, а множество уѣздовъ подъ видомъ одного. То правда, что ни одна черта нравовъ, ни одна ухватка и замашка его дѣйствующихъ лицъ не вымышленна; но это происходитъ не отъ желанія писать портреты съ живыми людьми, а отъ его неспособности изобразить въ повѣсти что бы то ни было, никогда имъ невиданное. Всякій разъ,

всѣмъ умолкаетъ, и уже одни уснувшія поля оглашаются его порывистымъ звяканьемъ и волнообразно разлипающимися «малиновымъ» звономъ. Тотъ же самый мѣсяць, который озарялъ дружественныя лица уѣхавшихъ безъ ужина гостей, теперь свѣтитъ прямо въ лицо поужинавшему и выпившему Капиту Павловичу Иволгину. О, какъ же измѣнилось это лицо въ удаленіи отъ прекраснаго поля, передъ которымъ каждый изъ насъ старается казаться по-своему лучшимъ! какое холодное и угрюмое въ немъ теперь выраженіе! Можно побиться объ закладъ, что это возвращается изъ гостей холостякъ и что у этого холостяка въ домѣ ни порядка, ни довольства и никакого вѣтъ добра. Въ самомъ дѣлѣ домъ Иволгина былъ настоящая развалина, которая могла бы поврапаться развѣ живописцу, охотнику до пустынныхъ уголковъ, покрытыхъ дикими бурьянами. Этотъ домъ, съ лохмотьями обоевъ, повисшихъ на стѣнахъ, съ подпольною возней мышей и крысъ, съ вогнутой посрединѣ крыши и висящими на одной петлѣ ставнями, отпечатался въ выраженіи его холоднаго, не симпатичнаго лица, въ которомъ игра луннаго свѣта обнаруживала что-то дикое, цыганское, недомовитое. Сидящій рядомъ съ кучеромъ Степка гармонировала какъ нельзя боль-

какъ онъ бросался въ область чистаго вымысла, онъ первый былъ недоволенъ своимъ сочиненіемъ. Въ *Незабудки* онъ рѣшился строго держаться разнообразныхъ документовъ, которыми наполнено его воображеніе. Если кто встрѣтитъ здѣсь нѣчто похожее на самого себя, то да будетъ онъ увѣренъ, что авторъ писалъ не изъ желанія кого-либо обидѣть, а изъ любви къ вѣчному изображенію жизни, какова бы она ни была. Кто глубже видитъ въ сущность искусства, тотъ повѣритъ ему, что для него было одинаково приятно передавать читателямъ впечатлѣвшіяся въ его воображеніи уродливости нашей жизни и самыя прекрасныя черты ея. Если же грязь и безобразіе некоторыхъ характеровъ изображены у него выразительнѣе, нежели то, что его радовало въ изучаемыхъ имъ личностяхъ, то онъ проситъ читателей бытьнисходительными къ его недостаточно сильному чувству прекраснаго въ людяхъ и къ его неумѣнью изображать все, на что онъ смотритъ, съ одинаковою отчетливостію. Но *Незабудки* имѣютъ планъ обширный, и можетъ быть, въ дальнѣйшемъ развитіи романа автору удастся вознаградить хотя отчасти читателей за тягостное чувство, съ которымъ они встрѣчаютъ здѣсь нравственнымъ уродовъ, составляющимъ большинство между живыми людьми по крайней мѣрѣ въ нашей милой Украинѣ обонхъ оторонъ Днѣпра.

ше съ своимъ баринномъ, на котораго былъ похожъ чертами лица до неприличія. Самый кучеръ, черномазою губастою физиономіей и какимъ-то особеннымъ способомъ подхлестывать лошадей, напоминалъ ярмарочную фигуру цыганскаго коновода. И мчалась эта странная группа на тройкѣ поджарыхъ лошадей такъ быстро по полю, какъ не ѣздить наши осторожныя и боязливыя помѣщики; и мудро было догадаться, что это за народъ, къ какому племени, къ какому состоянію принадлежитъ онъ.

Рядомъ съ этими дикими фигурами мчались ихъ рѣзкія тѣни, отбрасываемыя полнымъ, ярко сіяющимъ мѣсяцемъ на росистую траву и палевыя нивы.

Одна тѣнь скоро начала клонить голову и раскачиваться при всякомъ толчкѣ телеги. Казалось, что мрэкъ и забвеніе овладѣли до утра Иволгинымъ. Но, подѣзжая къ своему хуторскому дому, онъ открылъ глаза и, точно во снѣ, увидѣлъ, что многія окна въ немъ освѣщены необыкновенно ярко.

«Такъ и есть!» произнесъ онъ заспаннымъ голосомъ: «такъ и есть: это они!»

Слова эти относились къ двумъ его сослуживцамъ, майорамъ, которые, очутясь не вдалекѣ отъ нашего уѣзда съ своимъ полкомъ, писали къ бывшему товарищу, что прикатятъ къ нему погостить.

Не безъ нѣкоторой опасности прошелъ Иволгинъ черезъ провалившееся крыльцо своего отеческаго дома и потомъ черезъ переднюю съ скрипучимъ поломъ. Когда онъ отворилъ дверь въ залу, ему представилось такое зрѣлище, которое не каждый изъ насъ можетъ увидѣть въ собственномъ и чужомъ домѣ. Старая зала, украшенная только одними лохмотьями обоевъ, была освѣщена множествомъ салныхъ свѣчей, воткнутыхъ не только въ подсвѣчники, но и въ бутылки. Гости Иволгина, два громадные усача, сбросивъ съ себя военныя сюртуки съ жирными эполетами и то платье, на которомъ напиваются лампы, отдирали молодецкій танецъ подъ звуки гитары, которую одинъ изъ нихъ носилъ съ собой, перевѣсивъ тесьму черезъ плечо и припѣвая громкимъ басомъ:

Эхъ, матушка, ты, сударушка,
Ты пустила козелка
Во чисто поле гулять... —

любимую пѣсню Иволгина, которую онъ бывало напѣвалъ во время офицерскихъ оргій.

При этомъ зрѣлище все въ немъ затрепетало давно ужъ ему невѣдомымъ радостнымъ чувствомъ. Въ его запустѣлый домъ занеслось нѣсколько звуковъ пѣзъ того времени, которое онъ называлъ счастливейшимъ въ своей жизни. Казалось сама молодость и беззаботность явились къ нему въ гости подѣ видомъ двухъ товарищей, неподдающихся суровому холоду лѣтъ. Подбоченясь, Иволгинъ выплылъ на средину залы, расцѣловалъ на-лету обонихъ дорогихъ гостей и продолжалъ съ ними свою любимую пѣсенку. Долго они работали втроемъ ногами, взявшись подѣ руки и глядя другъ на друга съ цыганскою веселостью; наконецъ прекратили танецъ солдатскимъ темпомъ и еще разъ перецѣловались.

Молодцы были товарищи Иволгина! Плеча широкія, груди богатырскія; засученныя по локоть руки ихъ годились бы подѣ стать каріатидамъ.

Заплакалъ Иволгинъ, какъ ребенокъ, очутившись въ ихъ мощныхъ объятіяхъ, и тутъ же проклялъ глупую помѣщичью жизнь, которая разлучила его съ дорогими сердцу товарищами и заморозила на градусѣ отставнаго корнета.

«Не горюй, братъ», сказалъ ему одинъ изъ двухъ майоровъ: «п у насъ есть горе, да мы не поддаемся».

«А вамъ что за горе?» спросилъ Иволгинъ?

«А видишь? сѣднна въ усахъ! Плохо братъ стало и въ службѣ теперь. Безгрѣшные доходы ротные, эскадронные и всякіе обрѣзаны, а въ добавокъ—вошли въ моду молодые франтики либералы со нашего солиднаго и благонамѣреннаго воспитания. Судятъ и радятъ, судырь мой, обо всемъ, не щадя никого; а ихъ—смотри—выводятъ въ полковые командиры, между тѣмъ какъ нашего брата держать въ вѣчныхъ майорахъ, чортъ возьми! Просто, скажу тебѣ (тутъ онъ понизилъ голосъ), отечество въ опасности: уваженіе къ властямъ совершенно поколебано, и поправить свои дѣлишки службою—напрасная мечта!»

«Да ну къ чорту тебя съ политикой, Макитринъ!» сказалъ другой майоръ, носившій имя Макогонова. «Капитоша, душа моя! дай себя обнять еще разочекъ. Постарѣлъ ты, братецъ, какъ песь; да, по-

старѣлъ! Но не унывай: я тебѣ скажу стихи собственнаго сочиненія:

Все на свѣтѣ есть пустое:

Честь, богатство и чины,

Была бѣ рюмочка *простой*

Да кусочекъ ветчины.

Что, каково? не хуже твоихъ хохлацкихъ стиховъ, что прислалъ ты намъ недавно, а? Ну, скажи пожалуйста, кой чортъ вздумалось тебѣ писать стихи-то по-хохлацки?»

«Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ», перебилъ его майоръ Макитринъ. «У него, вѣдь, сильныя чувства. Это я всегда говорилъ. «Господа!» говорилъ я, «у нашего Иволгина чертовски сильныя чувства. «Смотрите: ромъ, сотернъ, или пѣнная,—онъ никогда не разбираетъ. Это значитъ, что у него въ душѣ кипятъ сильныя чувства». Правда, Иволгинъ? разгадалъ я твою нагуру?»

«Да ну, къ чорту съ психологіей!» возразилъ ему майоръ Макогоновъ. «Я говорю, что хохлацкій языкъ недостойнъ высокаго дара стихотворства, вотъ что я говорю!»

«Нѣтъ, братъ Макогошка, врешь. На этомъ языкѣ есть, говорятъ, тоже высокія произведенія. Я самъ прочелъ въ одномъ шивкѣ стихи, которые написалъ какой-то извѣстный поэтъ на стѣнѣ углемъ и которые достойны, можно сказать, безсмертія. Слушайте, вотъ они:

Вѣшьешь пѣрву—стрепенесся,

Вѣшьешь дрѹгу—схаменесся,

Вѣшьешь трѣтю—въ очахъ сіе,

Дѹма дѹму поганіе...»

«Да ну, къ чорту съ поэзіей!» возразилъ ему еще разъ майоръ Макогоновъ. «Я утверждаю одно: что Иволгинъ не долженъ писать стиховъ хохлацкихъ. Я самъ учился въ университетѣ, тому лѣтъ тридцать.... ты это знаешь, Макитринъ... и самъ пишу стихи...»

«Нѣтъ, братъ Макогошка», отвѣчалъ ему спокойно майоръ Макитринъ. «Хоть ты и въ университетѣ учился, но у тебя нѣтъ такихъ сильныхъ чувствъ, какъ у Иволгина. Это я всегда говорилъ. Его стихи про Палія... чортъ возьми его душу,—это та-

кіе стихи, что все отъ нихъ пожалуй вспыхнетъ...»

«Да ну, къ чорту съ Паліемъ! Я вотъ что утверждаю: что Иволгинъ—коренной дворянинъ и что ему не кстаетъ писать языкомъ визкой черни...»

Умолкни, чернь непросвѣщенна!...

Ну, братъ Иволгинъ, обратился вдругъ майоръ Макогоновъ къ хозяину, который съ пѣмымъ восторгомъ слушалъ ихъ споръ,—что у тебя за дѣтская! Мы уже проникли въ нее, по праву сильного, любезный другъ. Замокъ—въ дребезги! И объ ужинѣ ты не хлопочи. По праву сильного, мы овладѣли твоимъ хуторомъ и распорядились, какъ въ непріятельской землѣ. Дѣвчата твои глупы, какъ буры: всѣ разбѣжались, и мы, по праву сильного, командуемъ здѣсь однимъ мужскимъ населеніемъ, которое тоже куда-то запропастилось! Посуда, братецъ, твоя вся въ дребезгахъ. Домъ твой что-то пустъ. Мы обживемъ его, братецъ! Ура, хрррабрые ррусскіе воины! Ну, выпьемъ еще, выпьемъ!»

И всѣ трое налили себѣ по стакану наливки изъ большого чайника, который гости-майоры наполнили въ дѣтской, за немѣніемъ бутылокъ, такъ какъ всѣ бутылки были заняты свѣчами.

«Видишь, какой сюрпризъ мы тебѣ приготовили!» сказалъ, глядя на пылающія свѣчи, майоръ Макитринъ: «не правда ли? ты викакъ не думалъ найти въ домѣ жидовскій шабашъ!»

Всѣ затѣи бывшихъ сослуживцевъ, и даже превращеніе въ дребезги посуды, приводили Иволгина въ восторгъ неописанный. Тосты пошли за тостами, и между прочимъ пили за здоровье прелестной институточки, о которой Иволгинъ сообщилъ своимъ товарищамъ съ приличными комментаріями и обѣщалъ завтра показать ее у сосѣда-помѣщика.

Отъ шумной попойки, во вкусъ стараго добраго времени, друзья-сослуживцы нѣсколько разъ возвращались къ танцамъ и припѣвали множество куплетовъ такого остроумнаго содержанія, что его не возможно даже выразить печатными буквами. Наконецъ майоръ Макогоновъ лпнулся употребленія ногъ и сѣлъ на полу. Тогда Иволгинъ убѣдилъ гостей перейти въ его кабинетъ, устроенный во вкусъ Бурцова. Тамъ «вмѣсто зеркала, сіяла ясной сабли полоса» и пр. и пр., какъ описано въ из-

вѣстномъ воззваніи къ Бурцову. Размѣстясь на двухъ койкахъ, которыя стояли одна противъ другой у стѣны узенькой комнатки, товарищи повели шумную бесѣду тѣмъ же порядкомъ, что и прежде. Отяжелѣвшій языкъ растянушагося на койкѣ Макогонова часто прерывалъ другого майора словами: «Да ну, къ чорту съ политикой! да ну, къ чорту съ поэзіей!» но ужъ не могъ опровергнуть ни одного его критическаго положенія. Иволгинъ и майоръ Макитринъ, покачиваясь другъ противъ друга, постоянно касались въ разговорѣ своимъ предметомъ важныхъ и глубокихъ, какъ это почти всегда случается съ пьяными; наконецъ съѣхали снова на стихотворство, и майоръ началъ превозносить талантъ Иволгина:

«Я всегда говорилъ, что у тебя чувства сильные, но, признаюсь, ты пзумилъ меня своимъ стихами про Палія. Видно, тебѣ самъ дьяволъ подсказывалъ:

Ой чого, чого підъ небомъ

Кракають ворони?

Семѣнь Палій товчѣ Шведські

Всі полкі й шкадрони...

Тьфу, чортъ возьми! Да это, понимаешь ли ты, какъ сказано? Небо, вороны, пораженіе Шведовъ... и все это выражено въ трехъ словахъ! Да какъ выражено! Подъ небомъ вороны... а?... Ну, кто бы такъ сказалъ?»

Иволгинъ, повѣся носъ и качаясь взадъ и впередъ на своей койкѣ, безмолвно соглашался, что въ самомъ дѣлѣ сказано сильно.

«Ну, кто бы такъ сказалъ?» продолжалъ эстетикъ. «Подъ небомъ вороны! Я не-сказалъ бы такъ, хоть треснулъ бы, то есть, не рѣшился бы этакъ смѣло выразиться. Вотъ и Макогоновъ здѣсь... онъ тоже пишеть стихи и въ университетѣ учился; но и онъ... куда ему!... Дá, дá, Макогошка; ужъ ты хоть и не махай рукой, а этакъ не выразишься ни во вѣки вѣковъ. Никто не скажетъ такъ смѣло и живописно!... Нѣтъ, никто!... А эта скотина сказала... (Онъ указалъ на Иволгина, который, въ нѣмомъ восторгѣ, выслушивалъ похвалы стихамъ своимъ, раскачиваясь въ задъ и въ передъ на койкѣ.) Эта вотъ свинья сказала... Капютоша, другъ мой! вѣдь ты свинья?»

«Свинья!» отвічалъ Иволгинъ, качаясь и повѣся опьянѣлую голову.

«Но знаешь ли что, мой ангелъ?» продолжалъ вѣжно майоръ: «не печатай ты этихъ стиховъ, прошу тебя. Я ужъ и писалъ къ тебѣ объ этомъ; но написать всего было нельзя, а теперь на словахъ выскажу тебѣ откровенно, что стихи твои какіе-то воспламенительные... Я знаю, это нынче въ модѣ, но мы съ тобой люди прежняго, благонамѣреннаго образованія, и притомъ коренные Малороссійскіе дворяне. Намъ не къ лицу быть либералами. Намъ надобно держаться стороны безопаснѣйшей... Мы коренные Малороссійскіе дворяне, — не слѣдуетъ намъ рисковать въ нѣкоторомъ смыслѣ своимъ спокойствіемъ.»

И долго еще говорилъ дружескимъ тономъ майоръ Макитринъ, увѣщевая осовѣлаго Иволгина воздержаться отъ излішняго либерализма. Наконецъ сонъ повалилъ его на плечо товарища, растянувшись у него за спиною. Иволгинъ тоже какъ-то заснулъ, и такимъ образомъ окончился для него этотъ день, ознаменованный самыми пріятными встрѣчами.

П. Куляшъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Замѣтки про збірословъ К. Шейковського.

(Продолженіе).

При словахъ на Б. — (4) Въ Полтавщинѣ не кажутъ *бабки пускати*, а перевозить бабу: «а нѣмо перевозить бабу!»; «я перевізъ бабу 12 разівъ»; «я перевізъ ажъ на той бікъ»; «мой баба вмѣрла (або-потонѣла)». — *Ръсниця* въ Полтав. звѣтця *сія*, а въ *бабки* (въ крѣяхи) тамъ, здається, трѣхи не такъ грають — одначе дѣбре не помѣятаю. (17 и 18) *Бабить* и *бабувать* не те жъ само: перше вживається частіше зъ ознакомъ *приймають дитину*, а друге — *бувати бабою*, *мати бабування за ремество* (вона іноді бабѣ; вона и одъ пристриту, вона и кровъ замовля, вона и бабѣ). (45—47) *Бадерний* зовсімъ не *хватскій*, *лихой*, а тимъ паче не *умляющій показаться*, а вже скоріше *молодцоватий* — такий, що есть бадернимъ ні трѣшечки объ тому не да-

ючи; *бадеристий* — те жъ *молодцоватий*, тільки бадеристость тутъ бльше *мадана*, (и длітого и не зовсімъ її долюбляють), ніжъ *одама*; такъ прикмету має бадеристость и въ глаголі *бадеритись* (сей глаголъ значить тежъ: не вниваю, храбрюсь и д.). (48 и 49) Сі слова трѣба такъ поставити: *Бадмина* — *линка* (прим.), — *ляка* (прим.); *Бадмля* (або ще частіше *бадмля*), — *лячля* (и *бадмля* и *бадмлячя* мѣння збирчі, чи *собирагельныя*). Про слова *бадмина* и *бадмля* мені не разъ доводилось чути толкъ: одні одне кажутъ, другі — друге... Трава на пні, чи просто трава, здається мені ніколи не бѣває *бадмлювата*: въ огородахъ и въ левадахъ трава бува *бурлянувата*; степова тежъ бува *бурлянувата*, хотъ не такъ часто, а бльше — просто не *чиста*; або *будякувата*, *нехворощувата* и д. Виходить, въ траві бадмля нічого шукати. Дальше, сіно справжне, настояще, — чи бѣде воно такѣ, що скотина зовсімъ єго зѣда (пирій, березна и д.), чи такѣ, що бльше праве половина єго иде въ випсу (тонконігъ) — нѣаково мовлячи, сіно *тожкостебле*, тежъ не бува, ніколи зъ *бадмлячя*: про зѣди зъ такоєго сіна ніколи не скажутъ *бадмля*, а просто *зѣди*, сивини зъ такоєго сіна ніколи не наменять бадмляною, а просто *сивиною* («вибери мені, будь ласкавъ, оттамъ, на побутті, сивину — щось у мене въ зѣби навѣязло»). Для того, для бадмля зосталось тільки те, якъ було ще на пні, було *тожкостеблемъ* зелѣмъ. Одначе и тутъ ще одрзняють, — и въ чімъ тутъ ризна, догадається кожно, якъ я приточу такий примір: «Не гърне,» каже, «сіно, бадмлювате: будякий, буркунъ — такъ всяке бадмля (и разуміе тутъ, напр., *залчу кривцю*, *матиринку*, *смилку*, *холодокъ* и д. що стеблѣ скотина не долюбля, або и зсесіє не втис). 53) *Не дажить* — *помилка*, чи справді де такъ вживається? 58) *Базарі* бувають не тільки въ городахъ, а и въ селахъ и мѣстечкахъ. Та ще въ городѣхъ (Полтавц.) *бує на мѣсті*, *пиду на мѣсто* и д. частіше вживається, ніжъ *бує на базарі*, *пиду на базарь*. 71) Я щось не завваживъ, що звѣтця *байракомъ* на Правому Бѣці; а на Лівому Бѣці *байракъ* — *долінка* въ степу, чи *прідолинковъ*, чи *арбчокъ*, зарослі, найбільше, *неплодучимъ* деревомъ, *великимъ* чи *малимъ*. Якъ же въ байраці тільки плодуче дѣрево, або єго бльше тамъ, ніжъ неплодучого, то вже се не байракъ, а вважаючи по де-